НЕИЗВЕСТНЫЕ МЕЧЕТИ СТАРО-ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.

Г.Н. Айдарова-Волкова

*Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
Казань, Российская Федерация
aidagalnik@mail.ru*

Работа посвящена исследованию казанских мечетей первых веков российского периода. Актуальность темы связана с ее недостаточной разработанностью с точки зрения истории и теории архитектуры. Для решения обозначенной проблемы требуются новые источники и подходы к исследованию мусульманской архитектуры второй половины XVI – первой половины XVIII вв. – периода запрета на строительство мечетей. На основе сводного анализа летописных, картографических, архивных и историко-архитектурных источников установлено, что после «казанского взятия» в Казани и в других поселениях бывшего Казанского ханства сохранялись старинные мечети и нелегально, эпизодически строились новые. Для обозначения вновь построенных мечетей автором вводится термин «нелегальная мечеть», понимаемый как тип мечети с сокращенной социально-функциональной и эстетической программой, построенной без разрешения властей. Показано, что в отдельных случаях выборные представители татар добивались разрешения на строительство мечетей еще до легализации ислама в начале и в середине XVIII в. Выявлены некоторые типологические признаки нелегальных мечетей Старо-Татарской слободы.

Ключевые слова: архитектура нелегальных мечетей, Татарские слободы, Казань, XVI–XVIII вв.

Для цитирования: Айдарова-Волкова Г.Н. Известные мечети Старо-Татарской слободы второй половины XVI – первой половины XVIII вв. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 219–234. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.219-234

Как известно, первые казанские легальные мечети в Старо-Татарской слободе – Марджани и Апанаевская – появились только во второй половине XVIII в. (1767 г.). Со второй половины XVI в. строительство и само существование мечетей находилось под негласным запретом. В болгарский и казанский периоды сформировались архитектурно-градостроительные традиции, сложилась типология мусульманских культовых и общественных зданий. На основе аналогов болгарской, касимовской и синхронной крымской культовой архитектуры можно полагать, что типология мечетей ханского периода включала главную мечеть страны Джума-Джами,

ханскую мечеть Хан-Джами, соборные джума-мечети, квартальные и поминальные (тюрье) мечети, медресе, ханаки, бани и другие общественные здания. Исходя из традиций, которые сформировались в Волжской и Золотоордынской Булгарии и во взаимодействии с культурами, с которыми контактировала ханская Казань, можно сделать предположение о существовании объемно-пространственных типов мечетей, характерных для булгаро-татарских, турецких, центрально-азиатских, африканских, закавказских городов исламского мира. Это многоколонные и базиликальные центрично-купольные и многокупольные мечети ярусного типа, состоящие из четвериков и восьмериков с шатровым или купольным покрытием, а также срубно-деревянные мечети. Конструктивные особенности заключались в широком использовании природного камня-известняка, дерева (сосна), обожженного кирпича. Минареты могли иметь круглоствольную или восьмигранную форму, или пирамидальные формы, сочетающие четверики и восьмерики, четверики, восьмерики и цилиндры с купольными или шатровыми крышами. Количество и расположение минаретов: наземные (угловые или отдельностоящие), надкровельные, врезанные в двускатные или многоскатные крыши, декоративные. Со второй половины XVI в. строительство разнообразных типов монументальных мечетей и мусульманских общественных зданий прекращается. Существующие здания перестраиваются или используются по новому назначению. Сегодня их остатки следует искать в подземных и наземных слоях старинных зданий Казани XVI–XVIII вв.

Расположение и границы Старо-Татарской слободы

Со второй половины XVI в. в Казани нелегальные мечети строились в татарских слободах. В ханской Казани за стенами забулачного острога в верхнем течении речки Булак располагалась Кураишева слобода, туда и переселилась значительная часть казанцев, не принявших христианства. В источнике XVI в. «Список с писцовых книг по г.Казани с уездом 1566–1568 гг.» обозначено местоположение Кураишевой слободы в верхнем течении Булака возле старинного татарского кладбища и Отучевой мечети. При этом о Кураишевой слободе говорится в прошедшем времени, в настоящем же упоминаются другие слободы, расположившиеся за Булаком, в том числе и Татарская [14, с. 42].

Возникновение Кураишевой слободы – это тайна, которая еще ждет своего исследования. Известно, что курайшитами в доисламской Аравии назывались люди из числа могущественного мекканского рода высшего духовенства, к которому принадлежал сам Пророк. После завоевания Мухаммадом Мекки часть курайшитов приняла ислам, другая, значительная рассеялась за пределами Аравийского полуострова. Арабские столкновения на Кавказе (в Армении) и в Хазарии в 653 г. могли являться одним из путей проникновения ислама и оседания его носителей на берегах Волги.

В их числе могли оказаться представители рода курайшитов (всего средневековые арабские ученые насчитывали 25 родов (бати) курайшитов» [5, с. 47, 175]. Н.Ф. Калинин, говоря о Кураишевой слободе, дает свое пояснение, не противоречащее нашей гипотезе: «Курайш – аристократический род духовенства, от которого вели свое происхождение главы казанского духовенства» [4].

Местоположение Кураишевой слободы указано в другом источнике 1555 г. Это грамота казанскому архиепископу Гурию на земли и рыбные ловли в Казанском уезде. Среди деревень, пожалованных казанскому Архиепископскому дому, указываются: «... да за булаком *на Кураишеве* от острогу вверх по Булаку на 100 дворов крестьянских... да ему дан огород у проломных ворот от острога под татарским кладбищем в подгорье, вверх по Булаку *против Кураишева*» [3, с. 3–4].

Термин «Татарская слобода» впервые упоминается в Писцовой книге 1566–68 гг. Там же указывается ее расположение: «Да за Булаком на Кабане озере слобода Татарская, а в слободе прикашики, дети боярские, казанские жильцы Артемий Староемко. Всего 4 двора, да двор пуст, что был прикашиков же Григория Фефилова, да 150 дворов татарских и чувашских и летом многие дворы стоят порозжи и сказали, ...что Татарове и Чуваши приезжают жить зимою или в заворошню, и тогда де их живут в одном дворе семей по десяти, а в ином дворе и больше десяти семей» [14, с. 53].

Из обозначенного выше следует, что во второй половине XVI в. слободы Кураишева в верхнем течении Булака по его левой стороне и ее продолжение -Татарская на левом берегу Кабана – являлись по сути одной Татарской (Старо-Татарской) слободой. Постепенно образовалось еще несколько татарских слобод за Кабаном: в XVII в. – Новокрещенская (улица Захарьевская), в XVIII в. – Мещанская (улица Екатерининская-Тукаевская). Две бывшие татарские деревни с новыми русскими названиями Плетени и Поповка влились в Татарские слободы. В конце XVIII в. они образовали городское предместье. Новая Татарская слобода образовалась после Уразметова пожара в 1714 г. Потомки бежавших от крещения казанцев возвращались по мере улаживания межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Первыми поселились мурзы с правого берега Волги. Первоначально слобода по своему составу жителей была мелкодворянской. Она через татарское кладбище, образовавшееся, вероятно, в конце XVII – начале XVIII вв., планировочно объединилась с Плетенями и Поповкой, заселенными к середине XVIII в. татарским населением [17, с. 42].

Анализ источников показывает, что северная граница Кураишевой слободы проходила примерно южнее старинного татарского кладбища, располагавшегося примерно недалеко от места, где позднее возник Сенной базар. В XVII в. южная граница Татарской (Новокрещенской) слободы еще не доходила до Плетеней; между слободой и селом Плетени располагался луг. Об этом имеется историческое свидетельство. Это грамота 1684 г.: «Дело об огородном месте» слободского татарина Ишмамента

Шангурина говорится: «Около татарской слободы поставлен острог, за острогом по сю сторону от села Плетени огородили огороды...за татарским острогом, за полевыми воротами по луговой дороге» [10, с. 29].

В XVI–XVII вв. Татарская слобода была огорожена собственными острожными стенами и называлась «Татарский острог». С запада к нему примыкали огороды: архиепископские, огороды преображенского монастыря и Татарской слободы. Они оставались здесь до конца XVII в. Есть основания полагать, что планировка и застройка Татарской слободы в значительной степени сохраняла некоторые планировочные принципы, элементы застройки бывшей Кураишевой слободы. Впервые попытка реконструировать основные принципы планировки Татарской слободы второй половины XVI в. была предпринята В.В. Егеревым. На основе анализа более поздних планировок татарских деревень он выявил три планировочных элемента: 1) магистральные дороги-улицы, 2) переулки и подъезды, 3) тупики или концы, связывающие отдельные дома в группы по родственному признаку [8, с. 69–70]. Согласно авторской реконструкции основными структурными элементами планировки являлись несколько транзитных улиц, нерегулярные по своей трассировке, к которым выходили огороженные и неправильные по форме кварталы и такие же нерегулярные небольшие межквартальные пространства (пустыри, болота, перелески). Внутри огороженных кварталов были криволинейные улочки, тупики, переулки, ведущие к отдельным усадьбам. Периметр средневекового квартала формировался высокими заборами, вся частная и общественная жизнь была обращена внутрь квартала. Снаружи квартал окружали огороды, выгоны для скота, бесхозные территории, прилегающие к транзитным дорогам – «улицам», соединяющим такие кварталы [2, с. 16–17].

Нелегальные мечети второй половины XVI–XVII вв.

Через 14–15 лет после «казанского взятия» в Казанском кремле и в посаде по сведениям Писцовой книги сохранялось немало капитальных зданий ханского времени. Они перечислены как «мизгити», «мечети», «бывшие мечети», «Муралеева мизгить», «мизгить, что была Муралеева», «Мечеть у царского строго двора», «Мечеть против Благовещения», а также другие капитальные здания («полаты»): «против Благовещения полата», «у царского двора полата», «у старого царевского двора малая полата», «Муралеевская полата». В посаде упоминаются и другие объекты ханского времени: две бани на Булаке, баня на «Поганом озерке». На Арском поле особо упоминается двор татарский с таможенной избой за старым острогом против острожных Арских ворот. В Татарской (Кураишевой) слободе сохранялись еще старинные мечети ханского времени. Известно, что в Кураишевой слободе стояла мечеть князя Отуча («Утучева мизгить»). Вероятнее всего, она была каменной, иначе бы не сохранилась во время боевых действий. О том, что Отучева мечеть сохранялась через 15 лет после Казанской войны,

говорится в Писцовой книге 1566–68 гг., где сказано, что в верхнем течении Булака в Татарской заострожной слободе «Ворота острожные Кураишевские к Утучевской мизгити, против татарские заострожные слободы» [14, с. 49–50]. По картографическим источникам (Геометрическая карта Казанской губернии) известно, что до конца XVIII в. у подножия западных стен Кремля сохранялась и Даирова баня.

Что стало с Отучевой мечетью? Вероятно, она какое-то время стояла полуразрушенная, в запустении, а потом либо была перестроена в церковь, либо постепенно разобрана на материал для новых построек. Мировая практика показывает, что в завоеванных городах культовые объекты приспособлялись или перестраивались под иные вероисповедания путем смены религиозной символики (крест на полумесяц или наоборот), пристраивания отдельных канонических элементов (минарет, алтарь), радикальной перестройки (надстройки куполов, пристройки входных порталов и др.). Исторической закономерностью является повсеместное использование сакрально чистых (намоленных) мест религиозных объектов. В Константинополе (Стамбуле) православный храм Святой Софии, церковь Св. Феодосии и многие другие церкви были обращены в мечети; Кордовская мечеть – в церковь; церкви Валенсии, Болгарии – в мечети, а затем снова в церкви. Эти процессы характерны и для нашего времени (Германия).

Источником для определения места расположения Отучевой мечети могут служить картографические материалы. Анализ известного дорегулярного плана этой части Казани 1730 г. показывает, что от Кураишевых ворот шла прямая широкая дорога-улица, вблизи от которой в XVII–XVIII вв. стояли три церкви – Московских чудотворцев, Смоленско-Варлаамской иконы Божией Матери и Тихвинской иконы Божией матери. Все три – вблизи от старинного татарского кладбища. Возможно, одна из них представляла собой перестроенную Отучеву мечеть. Все перечисленные церкви имели общие признаки объемно-пространственного построения, основанного на сочетании четверика, восьмерика и купола. Церкви типа «восьмерик на четверике» получили распространение в русской архитектуре, начиная со второй половины XVI в., и особенно широко утвердились в Казанской губернии в XVI–XVIII вв. в рамках регионального варианта русского узорочья и барокко.

Несомненно, все три церкви не раз перестраивались. Они содержат стилевые элементы XVI–XVIII вв., аналогичные, например, Гостинодворской церкви Казани. Церковь Варлаамия Хутынского не сохранилась. В ее композиции четко проявилась конструктивная основа, состоящая из двухэтажного четверика и высокого восьмерика, крытого низким куполом с декоративной маковкой. Колокольня состояла из высокого четверика и двух убывающих по высоте восьмериков с аналогичной купольной крышей. Из трех церквей ближе к посадским Кураишевским воротам находились церкви Московских чудотворцев и Тихвинская. Обе они были выдержаны в тех же конструктивных и стилевых формах с учетом некоторых различий в про-

порциях и декоративных деталях. Церковь Московских чудотворцев имеет неканоничное расположение колокольни – с северной, а не с западной стороны. Церковь Тихвинская не имеет достоверной даты строительства. Известна только дата повторного освящения. Это вполне возможно и для двух других церквей, так как их возобновление после очередных пожаров и их повторное освящение не редко фиксировалось как дата строительства.

а)

б)

в)

Рис. 1. Церкви, на местах которых могла размещаться Отучева мечеть:
а) Церковь Московских чудотворцев (фото В. Павлова); б) Тихвинская церковь (фото И. Алексеева); в) Смоленско-Варлаамская церковь (фото В. Шмелева).

Есть основания полагать, что Отучева мечеть могла представлять собой тип компактной центрично-купольной мечети, состоящей из куба, опирающегося на него низкого глухого восьмерика, покрытого полусферическим куполом или восьмигранным шатром. Мечеть могла иметь отдельностоящий или угловой минарет. Традиция строения таких зданий восходит к архитектуре Черной палаты в Булгаре. Мечети такого типа имели синхронное распространение в Крыму (в селе Колеч, Крым, Алуште, Евпатории).

В Татарской (Кураишевой) слободе могли еще долго сохраняться некоторые мечети и мавзолеи на старинном Кураишевском кладбище. Это предположение возникает на основе некоторых данных о двух разобранных в 1790 г. на кирпич гробницах, находившихся возле старинной церкви Живоначальной троицы в Ямских слободах (случай неслыханный для православного обычая). Через три года полученные таким образом 13 тысяч кирпичей с четырьмя решетками и гробничное железо было продано. Из этого следует, что гробницы (мавзолеи?) были не маленькие [9]. По данным И. Георги (1799 г.) в Казани татары имели две знатные слободы, в одной находятся две каменные молебные храмины и оставшиеся от прежних еще времен высокие и круглые башни, а в другой построены две деревянные «молебные храмины» [7, с. 9]. Возможно, речь идет о минаретах мечетей, оставшихся с ханского времени.

Анализ панорамных изображений Казани первой и второй половины XVII в. дает основания полагать, что в начале и в конце XVII в. в казанском Забулачном посаде, вероятно, еще стояли некоторые старые мечети эпохи Казанского ханства. Возможно, они стояли «в запустении» в разрухе, восстанавливать их не разрешалось. На панораме Казани, опубликованной А. Олеарием (примерно 1630-е гг.), за пределами острожных стен забулачного посада показаны жилые и культовые здания Татарской слободы: одна мечеть, похожая на деревянную с остроконечным минаретом на крыше. Некоторые монументальные здания, похожие на церкви не имеют крестов, другие похожи на мечети с надкровельным минаретом. Анализ гравюр панорамных видов городов Среднего Поволжья, сделанных чертежником, сопровождавшем А. Олеария, отражает бытование необычных зданий, напоминающих мечети. На видах Козмодемьянска, Тетюш довольно отчетливо видны несколько типов мечетей: 1) базиликальные с отдельно стоящим минаретом, скатной крышей (Козмодемьянск); 2) мечеть с минаретом на скатной крыше; 3) мечеть с угловым минаретом и плоской крышей. Строение, необычное для церковной архитектуры, похожее на мечеть, показано А. Олеарием на панораме Козмодемьянска. Три, объединенные в одно здание, однефные базилики, с двускатными крышами, четырьмя минаретами на них: один с шатровым и три с купольным покрытием [15].

Можно утверждать, что во второй половине XVI–XVII вв. мечети в Татарской слободе строились и восстанавливались. Внешняя политика не способствовала этому, запреты были неофициальными, но практикова-

лись. В 1570 г. посол Ивана Грозного пишет султану Селиму Сулейману в Константинополь: «Мой Государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его царь Саин Булат господствует в Касимове, царевици Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья Ногайские в Романове; все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях». Вместе с тем уже в 1592 г. казанский митрополит Гермоген пишет царю Федору: «Сорок лет от Казанского взятия не бывали мечети в Татарской слободе, а ныне учинили мечети ставить близко посаду на лучной выстреле». На что царь Федор ответил, что это «...сделалось вашим воеводским небрежением и оплошкою, как есть сбрендили, что прежде мечети татарские от взятия до вас не бывали и вы б мечети татарские посметали и впредь татарам мечети однолично ставить не велели» [11, с. 5–6].

Анализ различных материалов показывает, что данный указ не выполнялся. Так, например, в 1744 г. при описи мечетей Казанской губернии (еще до легализации ислама) их было 536, причем одни из них были построены до взятия, а другие после взятия Казани [18, с. 59]. Возможно, это было лишь поспешное восстановление каменных, разрушенных казанской войной, старых мечетей. Новые же нелегальные (незаконные) мечети были без минаретов, возводились в простейших деревянных конструкциях. Их можно отнести к типу архаичных мечетей, имевших распространение в небогатых селах, которые по существу не выделялись среди массовой деревянной жилой застройки. По сведениям И. Георги 1799 г. «молебные храмины в деревнях походят на самые худые хижины, у которых вместо башен (минаретов – прим. авт.) сделаны перилы и с сего места кликает пономарь мирян на молитву». «Худые жилища» же жилища «скудных людей» состоят из одной избы, дверь которой вышла на улицу и с плоской крышей – вид четвероугольника» [7, с. 9]. Таким образом, самая простейшая нелегальная мечеть представляла собой срубную клеть без сеней с плоской крышей или с двускатной крышей и с люком вместо минарета.

В самых экстремальных условиях на молитву собирались в обычном доме уважаемого человека, старейшины рода или муллы. Имеются сведения, что мечеть татар-отступников от православия занимала вторую половину дома муллы, то есть в доме из двух клеток, соединенных сенями, одна служила мечетью, другая – жилищем. Допускать бытование такого типа можно на основании более поздних нелегальных мечетей крещеных татар, отпавших от христианства уже после легализации ислама в конце XVIII–XIX вв. [12].

Если социальные условия конкретной местности позволяли полулегальное бытование мечетей или селение находилось далеко от миссионерских центров, то такая простейшая мечеть могла иметь некоторые дополнительные элементы объемно-планировочного решения: сени и угловой минарет, заменяющий открытую лестницу на крышу (подобный тип есть в изображении панорамы Козмодемьянска А. Олеария, 1639 г.).

а)

б)

Рис. 2. Нелегальные мечети. Опыт графической реконструкции по иконографическим источникам XVI–XVIII вв.:

а) с приставной лестницей вместо минарета;

б) с низким надкровельным минаретом (изображения автора).

Разрешенные мечети начала XVIII в.

Настойчивость мусульман татарских слобод имела свои положительные последствия. В 1736 г. вышел Указ «О непостроении вновь мечетей», «дабы впредь без особых указов Сената мечетей не строить...разве вместо самых обветшалых по освидетельствованию духовной власти, что они подлинно обветшали, на том же месте, где была прежняя...в отдалении от новокрещен» [18, с. 16]. В 1741 г. в Татарской слободе было пять уже мечетей [18, с. 21]. В 1742 г. по челобитной (прошению) от выборных ясашных татар (Исмаилова, Айтуганова, Мухаммедова и др.) к императрице Елизавете, подписанному арабской каллиграфией говорилось: «Предания лет пристны благоверныя памяти великого царя Иоанна Васильевича и после взятия названного при дедах и прадедах, когда наши по нашему мусульманскому закону имелись и ныне имеются для моления и приидо к присяги построенные мечети...» [18, с. 21]. Из этого следует, что мечети

существовали до 1742 г. Это подтверждается и другим документом. Имеются некоторые архивные и исторические сведения о том, что «законная» мечеть, возможно, существовала в Татарской слободе еще в 1712 г. В фонде № 131 «Посольский приказ, татарские дела» РГАДА хранится документ от 7 января 1712 г.: «Дело по челобитию переводчиков и толмачей Рамазана Тевкелева с товарищами о бытии в Татарской мечети Абызом Казанскому татарину Ашир Кадыеву» (РГАДА, ф.131, оп.1). Из чего следует, что мечеть в 1712 г. уже стояла [19]. Есть упоминание и о некой мечети, стоявшей в 1726 г. Возможно, это сведения об одной и той же мечети.

В течение нескольких лет то разрешали, то запрещали строительство мечети. Согласно Указу от 22 июня 1744 г., был установлен правительственный контроль над этим процессом, а также регламенты по месту возведения, порядку устройства и вместимости мечетей. В 1744 г. Сенат разрешил построить две мечети в Татарской слободе, а Указом Сената 1759 г. в Поповке (одну, но вскоре мусульмане добились того, что построили и вторую).

В 1767 г. Екатерина II по прошению служилого татарина Исаея Измайлова разрешила построить еще две мечети в Татарской слободе. Проситель в челобитной сообщал, что в результате пожара 1756 г., в котором сгорела их Татарская слобода, они лишились своих мечетей и что на погоревших местах новые мечети ставить запретили. А на месте одной из сгоревших мечетей построили деревянную греческую церковь и населили слободу русскими, татар же выселяли в новую слободу (Поповку). В Старой же Татарской слободе осталась одна деревянная мечеть «весьма малая и ветхая» [11, с. 13]. Из этого опубликованного в 1867 г. Е. Маловым документа можно заключить следующее. 1) Мечетей до пожара 1756 г. в Старой Татарской слободе было несколько, не менее трех. Все они или почти все, вероятно, были деревянными. 2) После разрешения Екатерины II на строительство новых двух каменных мечетей в Татарской слободе вместе со старой деревянной стало три мечети. Всего вместе с двумя мечетями в Поповке в 1767 г. их стало пять. По данным К. Насыри новые мечети возводились на месте старых [13]. Вероятно, мечети Апахановская и Марджани стоят на местах прежних деревянных мечетей. По нашим наблюдениям, сделанным в 1990-е гг. во время реставрации Апахановской мечети вскрытые в процессе реставрации белокаменные фундаменты не соответствовали конструкциям второй половины XVIII в.: в них для укрепления были проложены тонкие деревянные бревна.

Следует предполагать бытование старинных мечетей в периферийных районах, в «инородческой глубинке». В 1878 г. в журнале «Нива» была опубликована зарисовка развалин старинной татарской мечети в одной из деревень Казанской губернии (художник А. Бар). Мечеть имела высокий минарет, расположенный на углу двухэтажного кубического объема, крытого сферической крышей. Стены были выложены с использованием естественного камня и кирпича. Очень высокий минарет отличается от минаретов болгарского периода структурой и композицией. Высокий ци-

линдр служил основанием для стройного восьмерика со следами консольной галереи для азана, выше идет еще один восьмерик со своей площадкой для азана, а на нем изящный четверик, покрытый невысоким четырехскатным шатром. Вряд ли она могла быть построена в российский период. Судя по стилистике, это руины мечети ханского времени. В научный оборот сведения об этой публикации конца XIX в. введены Ф.Х. Валеевым [6, рис. 91-а]. Копия зарисовки введена нами в научный оборот в 1997 г. [1, с. 168].

Рис. 3. Зарисовка А. Баруи
руин провинциальной
мечети (XIX в.)

Вдали от администрации могли сохраняться мечети казанского ханства, вероятно, строились и новые. Русской администрацией контролировались в основном Казань и города-крепости на Волге. Если здесь, на глазах наместника, воеводы и митрополита строились нелегальные мечети, то в глубинке, вдали от миссионерских центров старинные мечети, вероятно, стояли дольше, а новые строились смелее.

Во время переписи в 1744 г. в Казанской губернии обнаружилось 536 мечетей. Указывалось, что некоторые сохранились от прежних времен. Перепись проводилась строго по «даругам» (волостям). Термин «даруги» к тому времени перефразирован в «дороги». Указано: по Галецкой дороге 17 мечетей; по Алацкой дороге 91; по Зюрейской дороге сломанных 96 мечетей, не сломанных одна; по Ногайской дороге сломанных 83 мечети,

несломанных 52; по Арской дороге сломанных 127 мечетей, несломанных 65 [18, с. 52]. Общее число меньше 532, что, возможно, объясняется отсутствием учета нескольких мечетей, указанных по отдельным деревням.

Вопрос о том, какие мечети строились в этот период, представляет определенные трудности. Решение его возможно на основе комплексного анализа различного рода прямых и косвенных источников – исторических сведений, архитектурных типов, памятников предыдущих и последующих периодов развития архитектуры мечетей. Авторская реконструкция архитектурного развития нелегальных мечетей середины XVI – середины XVIII вв., а также приближенная реконструкция их архитектурных типов и гипотетического облика состоит в следующем. При ограничении монументального строительства в условиях религиозного преследования нелегальные мечети могли строиться в основном из дерева. Опасность их разрушения со стороны русской администрации способствовала выработке в этих условиях типа мобильной, быстро возводимой простой мечети с минимально выраженной религиозной символикой, не привлекавшей внимания приказной администрации и миссионеров. Поэтому такие бросающиеся в глаза признаки мечетей, как высокий минарет, большие размеры, декоративные украшения, сложная планировка не могли иметь широкого распространения.

Нелегальная мечеть в борьбе за выживание приобрела черты, давшие ей возможность в условиях гонений на ислам сохраниться как архитектурный тип, который маскировался под обычный жилой дом за счет архаизации архитектурной формы и сокращения функционально-эстетической программы. В сложных условия бытования такая мечеть имела вид клетской избы с плоской крышей, без минарета и без выраженного михраба, с приставной лестницей для азана. Только по развороту продольной оси она могла выделяться из жилой застройки, и то незначительно, учитывая кучевую планировку кварталов во второй половине XVI в. В зависимости от обстановки в уезде, волости, от характера расположения села нелегальные деревянные мечети могли иметь конкретные формы: 1) простейшая мечеть-изба с люком в крыше вместо минарета; 2) мечеть с низким надкровельным минаретом. Возможность нелегального бытования мечетей с надкровельным минаретом следует допускать ввиду стремительного их развития сразу же после легализации, что было бы невозможно при полной утрате этого типа мечетей в течение 200 лет (1552–1756 гг.).

В условиях фактического запрета на строительство мечетей вся предшествующая типология была сведена до простейших типов. Следует полагать о возможном строительстве только деревянных мечетей, поскольку типология каменных мечетей Казанского ханства и традиции профессионального монументального зодчества были в значительной степени прерваны. Имелись редкие прецеденты строительства небольших каменных мечетей в вотчинах богатых мурз, немалая часть которых сумела сохранить свои поместья. Всего в Казанском уезде (губернии) в четырех дорогах (даругах) «за служилыми князьями и за новокрещенами и за мурзами и за татарами в

вотчине 2 деревни, да в поместье сельцо, да 18 деревень без жеребий, да 2 пустоши, да в 73 деревнях 130 жеребий по дачам, да 125 жеребьев без дач, 2 двора вотчинника, 226 дворов помещиков...» [16, с. 202].

Таким образом, можно утверждать, что после взятия Казани не все мечети были уничтожены. До их легализации эпизодически сохранялись старинные мечети, иногда нелегально строились новые простейших типов, некоторые возводились по специальному разрешению. Достоверно известно о двух сохранявшихся: Отучева мечеть, которая могла быть как базиликального типа с внутренними опорами, так и центрично-купольной с угловым минаретом или отдельностоящим минаретом. Облик сохранявшейся в одном из селений Казанской губернии мечети периода Казанского ханства можно гипотетически реконструировать как центрично-купольную с угловым минаретом. Нелегальные деревянные мечети могли быть трех разновидностей: 1) простейшая в виде срубной клетки с плоской крышей без сеней с приставной лестницей вместо минарета; 2) изба со скатной крышей и люком вместо минарета; 3) двухзальная мечеть-изба с сенями, скатной крышей и низким надкровельным минаретом. Градостроительное размещение таких мечетей, как правило, было связано с местами пониженного рельефа для их маскировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдарова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX вв.: модель развития, структура типов, влияния. Казань: КГАСУ, 1997. 196 с.
2. Айдарова Г.Н. Татарские слободы Казани: архитектурно-градоостроительное развитие и методологические аспекты реконструкции. Казань: Изд-во КГАСУ, 1999. 92 с.
3. Алишев С.Х. Источники по истории Татарстана. Казань: Б. г., 1994. 124 с.
4. Архив АН РТ. Ф. 8. Оп.1. Д 352.
5. Большаков О.Г. История халифата: Т. 1. М.: Восточная литература, 1989. 309 с.
6. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 104 с.
7. Георги М.И. Описание всех живущих в российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей: Часть II. СПб.: Б. г., 1799. 246 с.
8. Егоров В.В. Самобытное расселение народностей казанского края // Вестник Научного общества Татароведения. Казань, 1928. № 8. С. 69–70.
9. Историко-археологические очерки церквей города Казани. Вып. I. Казань: Центральная типография, 1913. 45 с.
10. Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской епархии), собранные протоиереем Е. Маловым. Казань: Типо-литография Каз. Импер. Ун-та, 1902. 54 с.

11. Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань: тип. Каз. ун-та, 1868. 80 с.
12. Малов Е.А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства. Казань: тип. Каз. ун-та, 1872. 154 с.
13. Насыри К. Избранные произведения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 254 с.
14. Невоструев К.И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом: (1566–1568) / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1877. 88 с.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 582 с.
16. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1978. 240 с.
17. Покровский И.М. Окраины города Казани в XVI–XVIII вв. (Забулацкая Архангельская, Ягодная слободы). Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1905. 22 с.
18. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 14. Д. 803.
19. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1.

Сведения об авторе: Айдарова-Волкова Галина Николаевна – доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой теории и практики архитектуры Казанского государственного архитектурно-строительного университета (420043, ул. Зеленая, 1, Казань, Российская Федерация); aidagalnik@mail.ru

UNKNOWN MOSQUES OF THE OLD TATAR QUARTER OF THE SECOND HALF OF THE 16TH – THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

G.N. Aidarova-Volkova

*Kazan State University of Architecture and Engineering
Kazan, Russian Federation
aidagalnik@mail.ru*

The work focuses on the study of Kazan mosques of the first centuries of the Russian period. The relevance of the topic is due to its insufficient elaboration within the framework of the history and theory of architecture. White spots in the history of the architecture of Tatarstan require searching for new sources and approaches to studying Muslim architecture of the second half of the 16th – the first half of the 18th centuries, the period when construction of mosques was prohibited. Based on the analysis of chronicle, cartographic, archival, historical and architectural sources, it was established that after the “capture of Kazan,” ancient mosques were occasionally preserved or new mosques were built illegally in Kazan and in other settlements of the former Kazan Khanate. To designate newly built mosques, the author introduces the term “illegal mosque” as a type of mosque with a reduced social, functional and aesthetic program, built without the permission of the authorities. In some cases, elected representatives

from Tatar residents got permissions to build mosques even before the legalization of Islam in the beginning and in the middle of the 18th century. Certain typological features of illegal mosques of the Old Tatar Quarter have been revealed.

Keywords: architecture of illegal mosques, Tatar quarters of Kazan in the 16th–18th centuries

For citation: Aidarova-Volkova G.N. Unknown mosques of the Old Tatar Quarter of the second half of the 16th – the first half of the 18th century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 219–234. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.219-234

REFERENCES

1. Aidarova G.N. *Arhitekturnaya kul'tura Srednego Povolzhya XVI–XIX vv.: model' razvitiya, struktura tipov, vliyaniya* [Architectural culture of the Volga Regions of the 16th–19th centuries: Model of development, structure of types, influences]. Kazan, Kazan State Univ. of Arch. and Engin. Publ., 1997. 196 p.
2. Aidarova G.N. *Tatarskie slobody Kazani: arhitekturno-gradostroitel'noe razvitiye i metodologicheskie aspekty rekonstruktsii* [Tatar quarters in Kazan: Architectural and urban development and methodological aspects of reconstruction]. Kazan, Kazan State Univ. of Arch. and Engin. Publ., 1999. 92 p. (In Russian)
3. Alishev S. Kh. *Istochniki po istorii Tatarstana* [Sources on the history of Tatarstan]. Kazan, B. G. Publ., 1994. 124 p. (In Russian)
4. Arkhiv Akademii Nauk Respubliki Tatarstan [The Archive of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Fond 8. Reg. 1. File 352. (In Russian)
5. Bol'shakov O.G. *Istoriya halifata: T. 1.* [The history of the Caliphate: Vol. 1.]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1989. 309 p. (In Russian)
6. Valeev F.Kh., Valeeva-Suleimanova G.F. *Drevnee iskusstvo Tatarstana* [Ancient art of Tatarstan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2002. 104 p.
7. Georgi M.I. *Opisanie vseh zhivushhih v rossijskom gosudarstve narodov i ih zhitejskikh obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostoprimechatel'nostej: Chast' II.* [Description of all the peoples that live in the Russian state and their everyday rituals, habits, clothes, homes, exercises, entertainment, religions and other points of interest: Part II]. St. Petersburg, B. g. Publ., 1799. 246 p.
8. Egerev V.V. *Samobytnoe rasselenie narodnostej kazanskogo kraja* [The original settlement of the peoples of the Kazan region]. *Vestnik Nauchnogo obshchestva Tatarovedeniya – Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies*. Kazan, 1928, no 8, pp. 69–70.
9. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Cerkvej goroda Kazani. Vyp. I* [Historical and archaeological essays on Kazan churches. Issue I]. Kazan: Central Printing House, 1913. 45 p.
10. Malov E.A. *Drevnie gramoty i raznye dokumenty (materialy dlya istorii Kazanskoj eparhii), sobrannye protoiereem E. Malovym* [Ancient letters and various documents (materials for the history of the Kazan Diocese), collected by Archpriest E. Malov]. Kazan, Tipo-lithography of Kazan Imperial University, 1902. 54 p.

11. Malov E.A. *O tatarskih mechetyah v Rossii* [About Tatar mosques in Russia]. Kazan, Printing house of Kazan University, 1868. 80 p.
12. Malov E.A. *Ocherk religioznogo sostoyaniya kreshchenyh tatar, podvergshehsya vliyaniju magometanstva* [Essay on the religious status of baptized Tatars who were influenced by Mohammedanism]. Kazan, Printing House of Kazan University, 1872. 154 p.
13. Nasyri K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1977. 254 p.
14. Nevostruev K.I. *Spisok s piscovyh knig po g. Kazani s uezdom: (1566–1568) / Izdan Sovetom Kazanskoj duhovnoj akademii k IV Arheologicheskomu s'ezdu v Kazani* [List of scribble books in Kazan with the county: (1566–1568) / Published by the Council of the Kazan Theological Academy for the 4th Archeological Congress in Kazan]. Kazan, Tipography of Kazan Imperial University, 1877. 88 p.
15. Olearius A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of the trip to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1906. 582 p.
16. *Piscovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov* [The cadastres of Kazan County for the years of 1602–1603]. Kazan, Printing House of Kazan University, 1978. 240 p.
17. Pokrovskij I.M. *Okrainy goroda Kazani v XVI–XVIII vekah (Zabulackaja Arhangel'skaja, Jagodnaja slobody)* [The outskirts of the city of Kazan in the 16th–18th centuries (Zabulatskaya, Arkhangelskaya, Jagodnaja quarters)]. Kazan, Typolithography of Kazan Imperial University, 1905. 22 p.
18. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Central State Archive of Ancient Acts]. Fond 248. Reg. 14. File 803. (In Russian)
19. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Central State Archive of Ancient Acts]. Fond 131. Reg. 1. File 1. (In Russian)

About the author: Galina N. Aidarova-Volkova is a Doctor of Science (Architecture), Head of the Department of Theory and Practice of Architecture, Kazan State University of Architecture and Engineering (1, Zelenaya St., Kazan 420043, Russian Federation); aidagalnik@mail.ru